

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

20-ое ЯНВАРЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Конституція и народъ. — 2) Причины перевѣса чиновничества надъ земствомъ. — 3) Конецъ крамолы и сохраненіе осады. — 4) Студенческія волненія въ Харьковѣ (Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»). — 5) Земскіе проекты. II. Новгородское земство о мѣстномъ управленіи и крестьянскомъ землевладѣніи. — 6) Восемьдесятъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ I—II. З. С. — 7) Быть или не быть парламентаризму? (Окончаніе), В. Гольштейна. — 8) Пропаганда и заговоръ въ южной арміи въ 1825 г. (Окончаніе), Ц. — 9) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу (Берлинскія письма). I. Argus. — 10) Письма о политическо-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. V. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи, Н. Жебуева. — 11) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, I, В. Мак. — 12) Извѣстія и замѣтки: I. Одинъ изъ казенныхъ російскихъ юбилеевъ. II. Слухи о высылкѣ изъ Петербурга гг. Н. Михайловскаго и Шелгунова.

ЖЕНЕВА, 20 января 1883.

Мы надѣемся, что читатель не забылъ писемъ изъ Сибири, полныхъ интересныхъ фактовъ, «Крестьянскіи переселенія и надежды», помѣщенныхъ въ 50 и 51 номерахъ «Вольнаго Слова». Мы намѣрены сегодня ухватиться за одну фразу изъ этихъ писемъ: «какъ всѣ чаянія русской интеллигенціи вертятся вокругъ одного (?) : конституціи, — народныя надежды сводятся тоже къ одному: къ землѣ» (№ 51, стр. 9), и поговорить о томъ, дѣйствительно ли и въ народѣ нѣтъ чаянія своего рода конституціи?

Намъ кажется, что есть. Мы уже напомнимъ, въ примѣчаніи къ первому письму нашего сибирскаго сотрудника, крестьянскую фразу, которую мы встрѣтили въ одной изъ корреспонденцій въ «Недѣль», т. е. въ той именно газетѣ, которая изъ-за довольно туманнаго народничества (и будто подъ цензурою народничество можетъ быть не туманнымъ даже при ясности мысли у его адептовъ?) борется, съ достойнымъ лучшей цѣли усердіемъ, противъ «либерализма». Фраза эта свидѣтельствуетъ, что народъ стремится переселиться туда, «гдѣ земли побольше, а начальства поменьше».

Въ помѣщенномъ въ 40 №-рѣ «В. Сл.» письмѣ изъ Бѣлоруссіи встрѣчаемъ крестьянскую фразу, которая гласитъ въ переводѣ: «кажется, такъ много платимъ, такъ много этого начальства, а жить трудно, край припѣсненъ, обголенъ». Въ томъ же №-рѣ нашъ корреспондентъ изъ правобережной Украины говоритъ: «теперь чаще, чѣмъ прежде, приходится слышать отъ крестьянъ разсужденія, выражающіяся въ слѣдующихъ словахъ: «не надо намъ этихъ чиновниковъ; управимся сами» (стр. 7).

Развѣ же это не «конституціонныя стремленія»? Развѣ описанные въ прошломъ №-рѣ нашей газеты самовольные опыты галицкихъ крестьянъ (такихъ же украинцевъ, какъ и жители юго-западной Россіи) устроить громадскую автономію — не конституціонные опыты? Правда, галицкіе крестьяне, устраивая такъ, чтобъ громада была «сама въ себѣ» (подумай, что они по гречески учились или, по крайней мѣрѣ, Прудона читали!), въ то же время говорили, что такая воля пришла имъ отъ «царя» и что громада и впредь будетъ зависѣть отъ этого царя, — а теперь замѣняютъ царя «Маскалемъ». Но если бъ не было такой мнѣологической примѣсы къ конституціоннымъ стремленіямъ украинскіхъ крестьянъ, тогда бы и въ самомъ дѣлѣ не было разницы между ними и авторомъ книги «Du principe fédératif». На то и есть «интеллигенція», чтобъ систематизировать и повести дальше стремленія «народа». А что точка соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и народа существуетъ, — это кажется намъ несомнѣннымъ. Бѣда только въ томъ, что конституціоналисты интеллигентные запяты мыслію больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія, — парламентахъ, министрахъ, царяхъ, президентахъ, и, по разнымъ причинамъ (своекорыстію, недомыслію, мечтамъ о благодѣтельности народа посредствомъ воздѣйствій власти и пр.), оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу, — а этотъ

послѣдній, по другимъ причинамъ (главнымъ образомъ по узкости своей сферы опыта), не имѣетъ понятія объ устройствѣ самоуправленія на дальнѣйшихъ отъ непосредственно его касающихся ступеняхъ общественной террасы. Но, напр., галицкіе крестьяне, пренебрегая нынѣшней австрійской конституціей и радуясь возможности отиѣны «Маскалемъ» нынѣшнихъ уѣздныхъ учрежденій, въ то же время стоятъ за «вольность» въ громадскомъ устройствѣ. Мало того, — эти крестьяне, разъ устроивши себѣ (незаконно) автономную громаду (въ Жабѣ), обращаются съ «радамп» (совѣтамъ) въ другія громады и, такимъ образомъ, вступаютъ на дорогу къ болѣе широкимъ организаціямъ: сначала, конечно, волостнымъ, уѣзднымъ, а дальше къ областнымъ и государственнымъ, конечно, на томъ же автономномъ началѣ. Если такъ называемая интеллигенція, сама отрѣшившись отъ централистическо-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ, для ихъ удовлетворенія, все большихъ общественныхъ союзовъ, — то интеллигенціи этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему сознать необходимость расширенія этихъ союзовъ, а равно и необходимость основанія и самаго широкаго изъ нихъ на началѣ представительномъ, а не единоличномъ. Такимъ образомъ будетъ наполнена пропасть, раздѣляющая теперь конституціонныя (если уже употреблять это слово) стремленія такъ называемыхъ интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣль послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно быть (да и не можетъ быть) забываемо, что самоуправленіе есть только форма, которая должна быть наполнена реальнымъ содержаніемъ: удовлетвореніемъ нуждъ населенія, экономическихъ и культурныхъ.

Обращаясь къ интеллигенціи народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, мы съ удовольствіемъ видимъ, что интеллигенція эта

печатать не вправе игнорировать это явление. А между тем наша печать, благодаря тому, что правительство заранее поспешило зажать ей рот, безмолвствует. Один только «Прав. Вѣстн.» по временамъ оповѣщаетъ «правдивымъ русскимъ слогомъ» о какихъ то неблагоприятныхъ студентахъ, затѣвающихъ сходки и противозаконныя сборища, очевидно, по «щучьему велѣнію», и о благодѣтельныхъ и своевременныхъ мѣрахъ правительственныхъ агентовъ къ «предупрежденію и пресѣченію».

Такое положеніе дѣлъ еще болѣе обязываетъ органъ, пользующійся полной свободой печати, дать мѣсто всякому голосу, могущему возстановить въ глазахъ общества поруганную истину. Прежде, чѣмъ излагать подробности нашихъ сходокъ и формъ протеста, я позволю себѣ предварительно высказать нѣкоторыя мысли о сущности и смыслѣ студенческихъ движеній, которыя, полагаю, будутъ не безинтересны читателямъ, такъ какъ пишущій эти строки, такъ или иначе, принималъ прямое и активное участие въ этомъ движеніи.

Настоящее студенческое движеніе отличается отъ всѣхъ бывшихъ прежде тѣмъ, что оно проявилось почти одновременно во всѣхъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Даже тихіе и покорные студенты Демидовскаго лицея, въ Ярославѣ, и совершенно забытые, ни для кого не существующіе студенты лицея кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ, тоже засуетились и закопошились въ своихъ архивахъ. (Здѣсь получено письмо о попыткѣ студентовъ Нѣжинскаго лицея присоединиться къ обще-студентскимъ протестамъ). Но что же вызываетъ студенческія движенія? На всѣ подобные вопросы, волнующіе умы многихъ, возможенъ только одинъ отвѣтъ: это всецѣлѣ патологическій, ненормальный государственный строй.

Лучше всего приведу нѣкоторыя выдержки изъ воззваній, которыя распространены были почти во всѣхъ университетахъ, и рѣчей отдѣльныхъ студентовъ, которыми большинство восторженно аплодировало.

«Мы, говорили студенты ораторы, собираемся, демонстрируемъ, рискуемъ сдѣлаться, еи masse или отдѣльными личностями, жертвой необузданнаго произвола совѣтъ не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ или какой либо группы, также и не подъ влияніемъ и воздѣйствіемъ крамоль, вышъ насъ стоящей, какъ это утверждаютъ наши враги. Мы хотимъ и требуемъ болѣе человѣческихъ и гуманныхъ отношеній къ учащейся молодежи вообще и къ студенчеству въ частности. Мы желаемъ имѣть свободу пользоваться своими естественными правами; мы хотимъ относиться, какъ къ своимъ товарищамъ, такъ и къ самимъ себѣ не по катковскому шаблону, а какъ намъ подсказываетъ наша совѣсть, наша мысль... «Товарищи!—говорилось въ одномъ воззваніи.—Родина наша порабощена. Всюду царитъ произволъ и деспотизмъ... Насильственное подавленіе всякаго проявленія самостоятельной мысли, упраздненіе справедливости, гоненіе, воздвигнутое не только противъ студентовъ, но и противъ всего русскаго общества... заставляютъ насъ протестовать». Такова общія формулировка причинъ, вызывающихъ студенческія движенія. Можно положительно сказать, что во всѣхъ бывшихъ волненіяхъ всегда и всюду студенты, — кромѣ своихъ чисто-студенческихъ нуждъ, которыя въ данномъ случаѣ только побочны, которыя сами собою будутъ устранены, — выставляли основнымъ мотивомъ подобнаго общественнаго явленія. Съ усиленіемъ реакціи прямо увеличиваются и студенческія волненія. Реакція достигла теперь своего кульминаціоннаго пункта — студенческое движеніе, какъ необходимое противодѣйствіе, дошло до *plus ultra*. Этимъ только и можно объяснить почти одновременное движеніе во всѣхъ университетахъ. Что у студентовъ всѣхъ университетовъ, за исключеніемъ мѣстныхъ требованій, дѣла и стремленія совершенно тождественны, достаточно прочесть всевозможныя петиціи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Правда, форма и предлогъ къ протесту могутъ быть въ каждомъ университетѣ своеобразны, но эта вышняя

сторона не должна заслонять собою внутреннее содержаніе студенческихъ петицій и протестовъ. Но если даже съ этой вышней стороны взглянуть на настоящія волненія, и то увидимъ въ нихъ много общаго. Всюду, какъ только въ университетѣ появлялся завѣдомый правительственный агентъ, напр., попочитель, генералъ-губернаторъ, полицеймейстеръ, — студенты приходили въ неопредѣленное смѣтеніе и при большомъ шумѣ и свистѣ гнали его вонъ; между тѣмъ ректоръ или кто-либо изъ профессоровъ, если только они ни чѣмъ не скомпрометировали себя, всегда съ большимъ уваженіемъ выслушивались. Очевидно, осмысливались не личности, а система, представителемъ которой являлся данная личность. А поводы къ волненіямъ были различны: такъ во многихъ мѣстахъ новодомъ служили Казанцы, желаніе выразить имъ сочувствіе, хотя имъ воспользовались различнымъ образомъ. Такъ, въ Одессѣ студенты потребовали, чтобы была отслужена панихида по убитымъ въ Казани студентамъ. У насъ и въ Киевскомъ университетѣ студенты воспользовались тѣмъ, что предупредительное начальство напомнило о крайнихъ мѣрахъ и строгости законовъ, а именно, въѣзди эти-то «крайнія мѣры» и т. п. — главное зло, — зло, противъ котораго студенты и борятся. Весь смыслъ студенческихъ движеній есть протестъ противъ такого государственнаго порядка, при которомъ возможны «крайнія мѣры», деморализующія прогрессивное развитіе общества.

Считаемъ необходимымъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ, совершенно оригинальныхъ дѣйствіяхъ студентовъ Петровской Разумовской Академіи. Въ своей петиціи они прямо и ясно заявили, что, такъ какъ всѣмъ понятно, съ какимъ удовольствіемъ нынѣшнее наше правительство закрыло бы всѣ высшія учебныя заведенія, и т. к. всѣ его мѣры клонятся лишь къ тому, чтобы число учащихся сократить до возможнаго minimum'a, то они сами считаютъ гораздо болѣе целесообразнымъ упразднить временно Академію, не посѣщая, до полученія отвѣта на свою петицію, лекцій. (Этой мыслью хотѣли воспользоваться наши ветеринары, но жестоко поплатились: почти треть студентовъ исключена изъ Ветеринарнаго Института и выслана). О своихъ желаніяхъ и нуждахъ они послали воззванія и просьбы во многія земства, прося земцевъ протестовать и заступиться за студентовъ; отправили письма къ редакціямъ либеральныхъ газетъ, приглашая ихъ присоединиться къ протесту студентовъ добровольнымъ прекращеніемъ своихъ органовъ, пока не будетъ дана свобода печати, какъ это давно сдѣлалъ «Порядокъ». Какъ наша петиція, такъ и петиція студентовъ другихъ университетовъ по содержанію совершенно сходны. Протестъ въ общемъ противъ безчеловѣчной политики и въ частности требованіе расширенія устава 63 года, признанія права корпоративнаго устройства студентовъ, семестральнаго устройства, права имѣть свою собственную студенческую читальню, кассу и т. д. — чисто студенческія требованія. (Между прочимъ, въ Киевѣ студенты требовали удаленія доцента Пихна, какъ завѣдомаго донощика и профана въ Политической Экономіи *). Переходя за тѣмъ къ описанію самыхъ сходокъ въ нашемъ университетѣ, я могу сказать, что у насъ собственно была одна порядочная сходка, вторая уже была деморализована массой сыщиковъ и переодѣтыхъ полицейскихъ, усѣянныхъ пропихнуть въ университетъ. А на третій день университетъ и весь дворъ были уже заняты солдатами и козаками, въ виду которыхъ и пришлось собраться части студентовъ, съ зампаніемъ сердца и въ томительномъ ожиданіи часа нападенія воинства съ прикладами и пагайками.

14 Ноября появилось предупредительное объявленіе г. попочителя. Въ этотъ же день въ 11 часовъ состоялась первая сходка въ сборномъ залѣ. Само собою разумѣется, что всѣ постороннія лица, какъ субки, были изгнаны. Сход-

ка была многочисленная. На этой сходкѣ въ общ. чертахъ обрисована была петиція, которую намѣревались подать; была избрана коммисія, которой поручили къ слѣдующему дню выработать редакцію петиціи. Кромѣ того, рѣшено было эту петицію отектографировать и разослать многимъ лицамъ, занимающимъ общественное положеніе, чтобы они такимъ образомъ ознакомились съ пущами и желаніями студентовъ.

На слѣдующій день сходка была болѣе безпорядочная, благодаря вмѣшательству и вторженію чуждыхъ элементовъ. Въ самомъ университетѣ оказалась масса шпионовъ, снаружи университетъ былъ уже окруженъ полиціей, которая всюду шмыгала и нюхала. Какъ только началась сходка, кто-то изъ студентовъ крикнулъ: «переодѣтые полицейскіе и шпионы здѣсь!» Немедленно студенты отклонились отъ своихъ прямыхъ намѣреній. Крики: «долой шпионовъ, въ университетѣ нѣтъ мѣста для полиціи» и т. п. совершенно терялись въ общемъ шумѣ и крикѣ *). А тутъ еще явился попочитель съ своимъ крайне безтактнымъ требованіемъ «разойтись», за что и былъ весьма недружелюбно принятъ и, наконецъ, изгнанъ. Послѣ этого уже не возможно было упятъ возбужденную массу. Такъ и разошлись ни съ чѣмъ, утомленные, потративъ не мало силъ и энергіи. А въ слѣдующіе дни совѣтъ не возможно было собраться. Лекціи были на нѣсколько дней прекращены и университетъ превратился въ казарму. Выбего профессоровъ и студентовъ онъ посѣщается солдатами и козаками. Какіхъ результатовъ мы добились, еще неизвѣстно. Также неизвѣстно, когда и кого будутъ судить, хотя вскорѣ состоится университетскій судъ — и нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ насъ будутъ отосланы на исправленіе на родину, другіе, быть можетъ, для изученія этнографіи малозслѣдованной сѣверо-восточной окраины нашей обширной родины.

Но успокоились ли уже студенты? Едва ли возможно положительный отвѣтъ. Зловѣщіе слухи продолжаютъ волновать умы студентовъ. Говорятъ, что съ будущаго года плата за право слушанія лекцій увеличится до 80—100 р., и что правительство съ новымъ годомъ намѣрено поздравить насъ такимъ уставомъ, который-де сразу прекратитъ университетскую смуту и крамолу (то-то возрадуются «Моск. Вѣд.»!), однимъ ударомъ топора разрубить гордіевъ узелъ, упразднить науку и высшее образованіе въ Россіи. *Qui vivra, verra!*

ЗЕМСКІЕ ПРОЕКТЫ.

II

Новгородское Земство о мѣстномъ управленіи и крестьянскомъ землевладѣніи.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, рассмотрѣнныхъ въ сессію 1881 г. Новгородскаго собранія былъ вопросъ о переустройствѣ мѣстныхъ крестьянскихъ управленій. Для предварительной разработкы этого сложнаго вопроса была избрана коммисія, которая и внесла свое предложеніе въ Губернское Собраніе.

*) Приданіе сходкамъ студентовъ безпорядочнаго характера, вызовъ студентовъ на рѣзкости и крайности, а также на требованія, выходящія за предѣлы академической жизни, несомнѣнно входятъ въ виды той реакціонно-полицейской шайки, которая теперь окончательно захватила правительство и администрацію въ Россіи. Участіе провокаторства въ послѣднихъ студенческихъ волненіяхъ тѣмъ болѣе вѣроятно, что по поводу перваго ихъ проявленія, — противъ-полицейскихъ демонстрацій въ петербургскомъ университетѣ, — произошло нѣкоторое раздѣленіе мнѣній даже въ «высшихъ сферахъ», даже тамъ нашлись люди, которые оправдывали студентовъ къ большому перепугу Побѣдоносцевской компаніи. Теперь эта компанія, конечно, торжествуетъ и выбиваетъ себѣ капиталъ изъ студенческихъ волненій и горя сотенъ семействъ. (Ред.)

*) Нашъ кievскій корреспондентъ ничего не говоритъ объ этомъ. (Ред.)

Собрание признало, что изменение отдельных статей положений о губернских и уездных присутствиях по крестьянским делам не может дать никаких результатов, так как основная причина неудовлетворительного хода дела в этих учреждениях кроется во всей системе организации местных учреждений. Обсуждение вопроса о преобразовании местных учреждений началось с рассмотрения деятельности учреждений существующих органов крестьянского сословного самоуправления, при чем собрание пришло к заключению, что крестьянское сословное управление вовсе не имеет места для самостоятельной общественной деятельности. Все местные интересы, как, напр., народное образование, пути сообщения и т. п., имеют одинаковое значение для всех жителей данной местности, без различия сословий и все разнообразие этих интересов в разных местах России обуславливается исключительно местными особенностями и (племенным) составом местного населения, а не составным его разделением. За исключением дела по отводу надельных и составлению уставных грамот, вся деятельность органов крестьянского самоуправления сводится к выбору должностных лиц, ассигнованию им содержания, их учету и разрешению поступающих на них жалоб. Деятельность исполнительных органов, превратившихся в низшие служительные органы всевозможных ведомств и учреждений, выражается почти исключительно в исполнении разнообразных поручений земства, полиции, администрации и служебных учреждений. Между тем крестьянское управление, удовлетворяя потребности общегосударственного управления, содержится, на начало подушного деления, на средства крестьянских обществ, интересам которых оно служит всего меньше. Это последнее обстоятельство, т. е. распределение расходов по содержанию сельского и волостного управления на началах подушного деления, особенно тяжело отзывается на крестьянах, так как при этом совершенно игнорируется имущественная состоятельность отдельных лиц и не привлекаются к обложению имущества и земли, принадлежащая крестьянам на прав частной собственности, приобретенная покупкой. Между прочим, членами комиссии были приведены цифровые данные, доказывающие, что в некоторых местностях расходы по содержанию сельского и волостного управления достигают до двух рублей на крестьянскую ревизскую душу.

Приняв эти основные положения, Собрание признало необходимость уничтожения сословного крестьянского общественного управления, волостного и сельского, с передачей возложенных на них обязанностей, — по преимуществу общеземских и полицейских, — земству и, конечно, на средства всего земства. С упразднением сельского и волостного управления, само собою разумется, должны упраздниться и контролируемые их органы — Уездный и Губернский по крестьянским делам Присутствия.

Признав, что все общественные земские интересы по существу представляют интересы всего населения данной местности и

что в каждой местности существуют не только одни крестьянские общины, но и другие общественные элементы, — Собрание неизбежно пришло к заключению, что общественное управление должно быть построено на общем представительстве и на счете всех общественных элементов местности. При чем хозяйственные интересы общины должны входить в сферу деятельности общественных учреждений на столько же, на сколько имеют это право и все прочие хозяйственные интересы других местных элементов.

Говоря о передаче обязанностей органов крестьянского сословного самоуправления в руки земства, Губернское Собрание имело при этом в виду, что административная деятельность общественного крестьянского управления должна быть строго отделена от общинного хозяйственного управления.

Сельское хозяйство, по мысли законодателя, должно было представлять собою хозяйственный союз крестьян, связанных общим земельным надельом, — общину; по в действительности понятия: община, сельское общество и селение — весьма часто не совпадают между собою *), и это обстоятельство, между прочим, служило препятствием к тому, чтобы сельское общественное управление могло приобрести значение общинно-хозяйственного управления.

Большинство членов Земского Собрания признало, что форма общественного землевладения, выработавшаяся исторически у большинства русского народа и сохраняющаяся до настоящего времени, не смотря на множество неблагоприятных условий представляет единственную гарантию против величайшей опасности в будущем — образования безземельного пролетариата. В виду такого громадного значения общинного землевладения, собрание пришло к заключению о необходимости не только признания этой формы владения землею со стороны положительного закона, но и принятия особых общегосударственных мер, как для укрѣпления общинного землевладения, так и для обеспечения экономического положения членов общины. В подтверждение необходимости подобных мер со стороны правительства, указывалось на неблагоприятные условия, в которых поставлена община, окруженная представителями личной собственности. Даже в среде самих общин наиболее состоятельные члены их весьма часто владеют покупною землею и являются сторонниками личной собственности. Далее, закон, предоставляющий право отдельным хозяевам выкупать надель и всей общины переходить, при согласии $\frac{2}{3}$ домохозяев, к подворному владению, противоречит государственному значению общинного владения, вызывающему необходимость его поддержки, и должен быть

*) Для того, чтобы это, а равно и сказанное выше, было вполне понятно для наших западно-славянских читателей, мы заметим, что общину (мир) в хозяйственном отношении (с общинным землевладением и с соответственной раскладкой платежей) составляют крестьяне одного бывшего поместья (дворянского или казенного), которые получили из него земельный надель; сельское общество составлено из крестьян известной местности, преимущественно одного села (в гуще-населенных местах), — но лица не крестьянского сословия в это общество не входят. (Ред.)

отменен. Наконец, Собрание обратило особое внимание на постоянное уменьшение относительной величины земельных надельных с увеличением народонаселения, причем уменьшается соответственно и экономическая обеспеченность общинников. Многие из гласных признавали наиболее действительной мерой против этого зла организацию общинных уездных союзов, введению которых должны быть предложены вопросы о покупке земель, передаче их между общинами, переселения и т. д. При этом все общинные земли свалились бы в одно целое и в распоряжение общинных союзов передавались бы, за определенную плату в пользу государства, свободные казенные земли.

Подобная организация всего удобной, по мнению земства, разрешила бы многие вопросы об обеспечении экономического быта населения, которые особенно озабочивают в настоящее время правительство *).

Придавая такое важное значение общине, Собрание не могло игнорировать полной определенности ее юридического положения. Как известно, закон признает юридическими лицами только сельские общества, совершенно умалчивая об общине, которая отчасти пользуется этими правами только благодаря установившемуся обычаю. Вследствие этого Собрание указало на необходимость составления нового устава для общины, как юридических лиц, на основании общинного права. Устав этот должен иметь силу закона при разрешении тех споров между членами общины и общиною, которые не могут быть разрешены обычными формами общественного суда.

Относительно волостного суда собрание высказалось: признавая, что настоящая организация волостного суда не удовлетворительна, его по необходимости должно заменить другой формой суда. Относительно необходимости организации суда собрание не признало себя компетентным, в виду того, что вопрос этот может быть решен только в будущем, когда в среде его членов будет достаточное число гласных от крестьян, единственно правоспособных для решения такого вопроса.

Высказав свои соображения об общественном владении, собрание перешло к вопросу об организации всего местного управления.

Исходя из того положения, что земство, как общественное учреждение, должно служить интересам всего населения, а не интересам каких-либо сословных общественных групп, и что предметы ведомства земских учреждений должны обнимать все местные интересы без различия сословий, Собрание признало наиболее целесообразной организацию представительства по местностям, а не от разных групп землевладения — личного и общественного **).

*) Это говорилось во время пугачевской истаковщины на тему «народной политики». Теперь эта хлестаковщина улетучилась, и мы присутствуем при правлении г-ра Толстого, который ходит, что мужиками и так уже занимался больше, чем нужно было, а что община и есть такое зло в экон. и общ. жизни России. (Ред.)

**) Западно-славянским читателям напоминаю, что закон об избирательности земских дел

ранія, уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на мѣстности сообразно удобству и особенностямъ каждой отдѣльной мѣстности. Мѣстные собранія для выбора представителей мѣстности или гласныхъ въ уѣздныя собранія должны состоять изъ представителей каждой общины, изъ владѣльцевъ личной собственности поземельной и изъ всѣхъ лицъ, платящихъ въ доходъ земства опредѣленный налогъ.

Уѣздныя земскія собранія распредѣляютъ обязанности и повинности земства на общеоуѣздныя и мѣстныя и, такимъ образомъ, опредѣляются предметы вѣдомства мѣстныхъ собраній.

Разсматривая разнообразныя отрасли государственнаго и общественнаго управленія, собраніе признало крайній вредъ централизаци для удовлетворенія многихъ, чисто мѣстныхъ потребностей въ родѣ народнаго образованія, продовольствія народнаго развитія и т. п., при чемъ не возможенъ контроль общественный, представляющій единственную гарантію противъ злоупотребленій исполнительныхъ органовъ. Кроме того, существующій порядокъ, при которомъ многіе предметы вѣдомства земскихъ учреждений, переданные имъ попеченію, вмѣстѣ съ тѣмъ остаются въ завѣдываніи разнообразныхъ правительственныхъ учреждений и властей, неизбежно влечетъ за собой полную безотвѣтственность и безплодныя пререканія, крайне вредно отражающіяся на ходѣ всѣхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого, собраніе признало, что земскія учрежденія должны удовлетворять всѣмъ потребностямъ мѣстнаго управленія и обнимать всѣ интересы мѣстности. Кругъ вѣдомства земскихъ учреждений долженъ быть точно опредѣленъ закономъ—и въ предѣлахъ своего вѣдомства, земскія учрежденія должны пользоваться полною самостоятельностью; заботы о благоустройствѣ, предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, кроме общегосударственныхъ, должны быть ввѣрены также земскимъ учрежденіямъ, которыя завѣдывали бы организаціей губернской и земской полиціи.

Земство, обязанное принимать мѣры для развитія народнаго благосостоянія, по благоустройству общественной и личной безопасности, вмѣстѣ съ тѣмъ является отвѣтственнымъ передъ государствомъ за исправное поступленіе всѣхъ прямыхъ налоговъ, слѣдующихъ въ доходъ государственнаго казначейства. Государственные налоги должны распредѣляться вмѣстѣ съ губернскимъ земскимъ сборомъ по уѣздамъ; затѣмъ уѣздныя собранія или мѣстные сходы распредѣляли бы причитающуюся сумму налоговъ между прямыми плательщиками на общихъ основаніяхъ, принятыхъ для раскладки земскаго сбора. Изъ всѣхъ постановленій должны дѣлаться ежемѣсячныя отчисленія въ государственное казначейство въ счетъ уплаты государственныхъ налоговъ.

По отношенію къ выкупнымъ платежамъ Собраніе признало единогласно, что размѣръ

выкупныхъ платежей за землю, отведенную въ надѣлъ крестьянамъ, не соответствуетъ ни платежнымъ силамъ населенія, ни доходности надѣльной земли, и вслѣдствіе этого основная задача реформы 1861 года—обеспечить быть крестьянъ—представляется невыполненною. Что же касается до мѣръ врачеванія этого зла, то собраніе признало, что въ такомъ важномъ вопросѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ благосостояніе большинства населенія, паллиативныя мѣры не могутъ дать желаемыхъ результатовъ. Необходимы радикальныя мѣры для того, чтобы предупредить обнищаніе и распадъ крестьянской общины. По мнѣнію Собранія, мѣры эти заключаются въ слѣдующемъ: оброчная подать государственныхъ крестьянъ и часть выкупныхъ платежей, соответствующая величинѣ оброчной подати, должны быть причислены къ общегосударственнымъ доходамъ и распределены на всѣ предметы обложенія на указанныхъ выше основаніяхъ. Затѣмъ капитальный долгъ по выкупной операціи долженъ быть причисленъ къ общимъ государственнымъ долгамъ и подлежать погашенію на общихъ основаніяхъ. Выкупленные, такимъ образомъ, земли поступаютъ въ пользованіе общинъ на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, на которыхъ предоставлены надѣлы государственнымъ крестьянамъ, т. е. безъ права выкупа въ личную собственность.

При преніяхъ, въ доказательство необходимости подобныхъ мѣръ, между прочимъ, говорилось: что въ настоящее время фактически крестьянамъ въ надѣлъ земли превышаютъ ихъ доходность и платежныя силы большинства населенія. Естественнымъ слѣдствіемъ необеспеченности массы земледѣльческаго населенія является неудовлетворительное состояніе государственныхъ финансовъ, что отражается на интересахъ всѣхъ жителей государства.

Такимъ образомъ въ интересахъ, какъ государства, такъ и частнаго каждаго лица,—поставить земледѣльческое населеніе въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы улучшить свое экономическое положеніе.

Между прочимъ, на собраніи заявлялось также, что даровая раздача крестьянамъ отъ государства земли, которая имѣетъ дѣйствительную цѣнность только для лицъ, имѣющихъ возможность приложить къ ней свой трудъ, по существу не представляетъ ничего ненормальнаго, и если въ былыя времена земли раздавались государствомъ дворянскому сословію, то отчего же не раздавать ихъ другому сословію, занимающемуся исключительно земледѣліемъ.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

I.

Почти всѣ вопросы политической жизни государства нашего времени сводятся къ вопросу о самоуправленіи, который распадается на два главныхъ подраздѣленія: самоуправленіе общегосударственное и самоуправленіе мѣстное. Въ цивилизованныхъ странахъ теперь нѣтъ сколько нибудь развитыхъ людей, которые бы не признавали хотя

въ какой бы то ни было долѣ необходимости участія въ завѣдываніи общественными дѣлами того, что когда то называлось «ограниченнымъ умомъ подданныхъ», и если есть въ нихъ еще государственные мужи, которые сомнѣваются въ способности этого ума справиться съ вопросами «вышей» политики, особенно въ дѣлахъ иностранныхъ, то въ самихъ странахъ, гдѣ эти сомнѣнія выражаются государственными мужами съ наибольшею откровенностью,—гранничашею съ пагlostію,—уже никто не смѣетъ отрицать способности «ограниченнаго ума подданныхъ» управляться съ дѣлами имъ близкими, мѣстными. Въ пользу необходимости, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго самоуправленія говоритъ теперь даже желаніе высокихъ политиковъ сбыть съ себя обузу «мелочей», сберечь расходы на мелкое чиновничество,—если уже не сомнѣніе въ томъ, что люди чиновническаго ремесла и промысла въ состояніи такъ вести дѣла общественной жизни, чтобы мѣстности могли по крайней мѣрѣ доставлять государству средства для достиженія его высокихъ цѣлей, не говоря уже о жизни этихъ мѣстностей для самихъ себя. Вотъ почему даже въ такой странѣ плохо скрываемою политической диктатуры, какъ Пруссія, въ послѣднее время вырабатываются и осуществляются проекты мѣстнаго самоуправленія, которымъ могутъ позавидовать централизованныя парламентскія государства и республики, въ родѣ французской.

Въ нашемъ отечествѣ уже одно пространство, при невѣжествѣ и хищническихъ привычкахъ класса чиновническаго промысла,—который, классъ, столь не похожъ на бюрократію прусскую,—придаетъ вопросу о самоуправленіи, по крайней мѣрѣ мѣстному, особенную важность. Не знаемъ даже нужно ли какому нибудь подданному російскаго государства доказывать неспособность названнаго класса къ веденію какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлъ, послѣ того какъ сами верхушки этого класса, при всей ограниченности ихъ разума,—фатально обусловливаемой тѣснотою ихъ сферы наблюденія и ослабленіемъ способностей къ этому наблюденію на той высотѣ, на какой они рождаются, растутъ и правятъ,—сознались недавно по крайней мѣрѣ въ одной слабости нашего чиновническаго класса: въ хищеніи. Но если бы кому нибудь нужно было доказывать всѣмъ намъ извѣстныя вещи, тому совѣтуемъ обратиться къ документамъ за первое время послѣ введенія въ Россію земскихъ учреждений, къ отчетамъ этихъ послѣднихъ о томъ, въ какомъ видѣ они застали ту часть общественныхъ дѣлъ, какаю только отведена была въ ихъ завѣдываніе. По этимъ отчетамъ, особенно для умѣющаго читать ихъ, области общественной жизни, находящіяся въ рукахъ людей чиновническаго промысла, представлялись точно претерпѣвшими непріятельское нашествіе. Въ одномъ мѣстѣ земство, взаимнѣ хлѣбныхъ магазиновъ, находило гнилые и пустые амбары; въ другомъ совсѣмъ не находило куда то пронавшихъ и уже забытыхъ населеніемъ школъ, значившихся въ отчетахъ и ежегодно получавшихъ деньги на содержаніе. Тамъ куда то исчезъ мостъ, ежегодно исправляемый; здѣсь—больница. Докладъ Чердынской уѣздноу управы такъ описывалъ

товъ (гласныхъ) въ Россіи похожъ на австрійскій избирательный законъ: гласные избиратели отъ крупныхъ и меньшихъ землевладѣльцевъ, большая часть дворянъ (отъ первыхъ прямо, отъ другихъ косвенно), отъ городовъ (по имущ. цензу) и отъ сельскихъ обществъ. (Ред.)